

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЛАДОПИСЬМЕННОЙ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ): АКТУАЛИЗАЦИЯ И УПРАЗДНЕНИЕ ГРАНИЦЫ*

Аннотация: В статье рассматриваются культурологические (семиотические) и философско-этические аспекты феномена русскоязычной осетинской литературы как младописьменной транслингвальной литературы, вопросы ее генезиса с точки зрения категорий культурной границы, пограничной культуры и культурной экспансии и ее природа в контексте процессов положительной глобализации.

Ключевые слова: взаимодействие культур, семиотические отношения, метакультурный язык.

Рассматривая сложный и, в общем, достаточно неоднозначный процесс взаимного сближения и конечного присоединения Осетии к России, мы лишь раз убеждаемся в том, что «пружины» культурно-исторического развития часто действительно лежат в сфере не всегда эмпирически поверяемых национальных инстинктов. В таком контексте становится вполне понятной внешне несколько циничная мысль К. Юнга, сравнившего народ с «большим слепым червем, ползущим за своей судьбой» [1].

«Слепота» в данном контексте – это метафора фатальности и неизбежности движения народа по определенной траектории, его следования во многом подсознательным инстинктам. Большое значение имеет для судьбы народной особи уже «комплиментарность на уровне культурного типа» [2], о которой писал Гумилев; русские всегда почти безотчетно *нравилась* осетинам и, возможно, здесь сказываются общие индоевропейские корни, нашедшие выражение в братстве легендарных потомков Иафета – Скифа и Словена.

Не отрицая в народе способности сознательного выбора, следует признать, что взаимодействие культур характеризуется, помимо всевозможных умозрительных гуманитарных критериев, чисто *механическими* и *физическими* параметрами. Конечно, они не менее умозрительны в случае, когда речь идет о всегда метафизическом общении этносов. Но, во всяком случае, они всегда более наглядны.

Прежде собственно филологического рассмотрения материала и процесса русскоязычной осетинской литературы (далее РЯОЛ) необходимо определить общие культурологические принципы, в свете которых мы представляем себе взаимодействие этнокультурных субъектов вообще и России и Осетии в частности. Здесь актуализируется ряд терминов физико-механистического характера: *граница, пространство, гравитация, тело, масса, орбита, вектор, взрыв* – и мы вполне отдаем себе в этом отчет.

Физико-механистический взгляд рискует сказаться очередной вульгаризацией тончайших процессов межнационального духовного общения, но его действенность доказана структурализмом и семиотикой. Само понятие струк-

* © Хугаев И.С.

турализма представляет собой актуализацию механической составляющей любой субъектно-объектной системы; структура – уже механизм, и тем более – структура *временная*.

Культурологические процессы Ю.М. Лотман рекомендует рассматривать как процессы динамические на химическом, физическом и биологическом уровнях, что позволяет раскрыть их «функциональное место в общей динамике мира» [3]; семиотика имеет универсальный методологический характер, потому что по-своему апеллирует к атомистической теории мира, иллюстрируя сложнейшие процессы элементарными моделями.

При этом мы исходим из того, что культурно-исторические процессы континентального и глобального масштаба подчиняются тем же законам, что и механизмы локального значения; существуют некие *абсолютные константы* среди параметров движения вообще, исторического движения в частности и культурно-эстетической эволюции специально. Все события, структуры и знаки необходимо поверять указанными выше константами: и малые, и большие семиотические организмы развиваются и деградируют с одним *ускорением*, испытывают нравственные и адекватные им механические *нагрузки* пропорционально их *массе, плотности, температуре* как степени «пассионарности» и пр. Стихии сокрушают корабли империй и не причиняют вреда народам, стоящим в тихих гаванях истории; но их будущее оказывается проблематичным в силу пожара, вспыхнувшего на берегу.

«Гравитационные» отношения культур регулируются их физическими параметрами, но мы не можем согласиться с тем, что «культуры, как и народы, могут быть великими и малыми» [4] – уже потому, что определение «великое» содержит эмоционально-оценочный обертон, требующий в качестве альтернативы не «малое», а «ничтожное». Культура – категория абсолютная (либо она есть, либо ее нет); и даже когда мы говорим о сравнительной «престижности» той или иной культуры, мы уже имеем в виду не столько культуру, сколько соответствующий ей уровень цивилизации.

При моделировании межкультурных отношений как семиотических механизмов следует исходить из того, что семиосфера не может существовать как монополярная организация: уже понятие собственно сферы предполагает как минимум два полюса.

Подобно тому как отдельный знак лишен единичного существования – ему необходим *другой*, – тексту необходимы другие тексты, а культуре – *другие культуры*. Знаки образуют тексты, тексты – культуру, культуры – семиосферу. «Ни один семиотический механизм не может функционировать как изолированная, погруженная в вакуум система. Неизбежным условием его работы является погруженность в семиосферу – семиотическое пространство» [5].

Уже здравый смысл подсказывает, что новый текст (знак) возможен исключительно «на фоне» другого; культура есть организм (совокупность текстов, «мифов»), бытие которого исторично лишь в определенном семиотическом контексте, в режиме общения (форма контакта – другой вопрос) с другими культурами-текстами; «вакуум» как *отсутствие контекста* сам по себе лишен существования. Не только знак не может существовать вне контекста, но и наоборот.

Принципиальным соображением является то, что любой знак в контексте семиотического пространства уже фактом своего существования вносит кор-

рективы в общие параметры семиосферы и так или иначе содержит информацию об этих параметрах: основание того, что все сущее – в том числе *РЯОЛ* – достойно изучения.

Различить знак (как определенную форму) возможно при условии «хорошего зрения», предполагающего ясное видение контуров – *границ* вещи. Понятие формы сводимо к понятию границы: определить, дефинировать что-либо – значит *отграничить данное нечто от всего, что им не является*, будь это последнее другая литература, другой литературный период, или другой литературный жанр.

Категория границы при исследовании культурных феноменов имеет особое значение и как объективная реальность истории. До сих пор исторические вехи сводятся к войнам и революциям: это показывает, что граница является основным принципом геополитического и социального порядка. Уже в основание мира была положена идея разграничения – разделения и разделенность как таковая: сначала были отделены тверди одна от другой, затем мужчина и женщина, а потом и языки (*Вавилон*) и, соответственно, культуры; наконец, Иисус «принес на землю меч» – и разделил самого человека.

Динамика исторических и культурных явлений – это всегда *динамика пограничного конфликта*. Периоды затишья, стагнации не содержат скольконибудь серьезных «художественных условий». Историзму художественному нет дела до парадоксальности исторической тишины, в которой, по мнению Ницше, как раз и вершатся все подлинно «великие события» [6]. И это естественно: стабильность семиосферы гораздо менее симптоматична, нежели моменты нарушения ее равновесного состояния, актуализирующие бытие *границы*.

По мысли Лотмана, граница является «одним из основных механизмов семиотической индивидуальности», которую можно определить как «черту», на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т.д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [7].

Но именно в связи с этим противопоставлением особую важность приобретает парадоксальная природа границы, отмеченная Д.С. Лихачевым: «Понятие границы в культуре несет в себе нечто таинственное. Что это – полоса общения или, напротив, стена разобщенности? Очевидно – и то, и другое» [8]. В самом деле, объективная природа границы требует специального внимания: если физически граница, как стена (или медаль), имеет две стороны и потому *разделяет*, то метафизически, сущностно, граница уже и нечто *соединяет* – как шов, линия или поверхность *контакта*, как «стык» В.И. Абаева [9]. Это можно было бы оспорить или оставить за неактуальностью, если бы границу между семиосферами (культурами) мы могли уподобить *разрыву* или *пропастям*. Но мы этого не делаем, даже произвольно следуя здравому смыслу, подсказывающему, что семиосфера не терпит пустоты (вакуума); и «стена» Лихачева оказывается здесь адекватной как образ монолитности и плотности.

Такое положение актуализирует, вслед за понятием *границы культуры* (*культурной границы*), явление *пограничной культуры* или *культуры границы*.

Как известно, в политологии – а отсюда и в других общественных науках – импульсом к специальному исследованию феномена пограничной культуры

послужили глобальные процессы последних десятилетий. Эти процессы изучает, в частности, работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», в которой автор, исследуя природу отношений между цивилизациями, называет разделяющие их пространства «линиями разлома» и говорит о них как о «линиях будущих фронтов» [10]. Развивая некоторые позиции Хантингтона, В. Цымбурский в своей известной статье «Народы между цивилизациями» предлагает уточнение, согласно которому задача заключается не только в установлении характера взаимодействия цивилизаций, но и «характера взаимодействия каждой цивилизации с прилегающими этнокультурными *лимитрофами*» [11]. Отношения между *текстом* культуры и ее *контекстом*, характер процессов, происходящих в пограничной области культуры, особенности пограничных культур в различных геополитических обстоятельствах рассмотрены в статьях О.В. Журавлева «О понятии пограничной этнической идеологии» [12] и И.В. Кондакова «К теории пограничных процессов в культуре» [13]. В ряде работ теория иллюстрируется интересными наблюдениями над разными историческими формами семиосфер. Так, В.Е. Багно в работе «Пограничные культуры – пограничное сознание» исследует русскую и испанскую культуры как пограничные и определяет черты, присущие всем пограничным культурам [14]; Б. Малиновский, анализируя процесс взаимовлияния африканской и европейской культур в статье «Научные принципы и методы исследования культурного измерения», говорит о рождении некой «третьей культурной реальности» [15]; Ф. Боас в статье «Эволюция или диффузия?» выделяет «территории, занимающие срединное положение» и т.н. «промежуточные культурные формы», для которых характерны «переходные типы социальной организации» [16]; культурно-психологические и лингвистические аспекты индивидуальной идентификации исследует З.А. Марданова в статье «Личность в пограничной культурной ситуации» [17]. Эти исследования в совокупности показывают, что проблема пограничных культур (в широком смысле границ вообще) имеет стратегически важный характер для положительного решения как локальных проблем, так и вопросов глобального выживания.

Понятно, однако, что нас категория пограничной культуры интересует постольку, поскольку с этим феноменом мы в значительной мере идентифицируем и культуру Осетии. Геополитически Осетия дислоцируется на самой границе Запада и Востока, Севера и Юга (примечательно, что территория Осетии подобна седлу, перекинутому через Кавказский хребет), и испытывала на себе энергетическое и информационное «давление» двух исторически оппозиционных, антагонистических культурно-цивилизационных центров: христианского северо-запада (*Европа* и *Россия*), и исламского юго-востока (*Турция* и *Персия* прежде всего); при ближайшем рассмотрении картину дополняет фактор *грузинского* влияния.

По сути дела здесь воспроизведена *экспозиция* той исторической фабулы, завязку которой правомерно относить к рубежу XVII-XVIII веков, к «моменту» *просветительского «взрыва»* в Западной Европе, с которого и начинается новейшая история Европы и – в значительной мере – Евразии.

Понятие смыслового или «семантического» взрыва, неотделимое от «волновой» теории в культурологии, необходимо для наглядной фиксации кульминационных явлений истории культуры, всегда сопровождающихся выбросом

более или менее значительной энергии. Фронт энергетического давления, расходясь от центра к периферии подобно кругам на поверхности воды или собственно *взрывной волне*, способен «накрывать» другие объекты семиосферы, и таким образом эпицентр включает их в свое «гравитационное поле», в свою сферу влияния и организации; эпицентр, таким образом, приобретает качество *культурной метрополии*.

Идеология ценностей *liberte – egalite – fraternite*, а также в целом безусловно жизнеутверждающая вера в могущество человеческого *разума* (в его способность творческого, позитивного преобразования действительности) под действием центробежных сил, характерных для любого волнового явления, *двигались – распространяясь, развиваясь и адаптируясь к условиям новых семиотических систем и пространств – на Восток*. Заметим в скобках, что если принять во внимание степень реального, а не декларативного, утверждения высоких гуманистических ценностей, то просветительская программа еще далеко не исчерпана, – в этом смысле эпоха Просвещения продолжается по сей день.

Та или иная идея не может существовать иначе как двигаясь, развиваясь, мутируя, метастазируя, *завоеывая себе новые пространства*, оплодотворяя окружающие объекты семиосферы, мотивируя их внутреннюю структуру и внешние коммуникации, подчиняя их новой мировоззренческой оптике и новому алгоритму самосознания. Иначе говоря, единственно возможная форма существования для идеи и идеологии – семантическая и семиотическая *экспансия*, необходимо раздвигающая *границы* явления. Динамика смыслоносущей и смыслотранслирующей системы сводится к тому, что оно «в каждый момент его существования... выхватывает и вводит в свой круг действия что-либо новое из внешней среды и не перестает выхватывать, доколь не поглотит всего в этом круге, доколь вся материя не будет носить печати его действия и все духи не образуют единый дух с его телом» [18]. Фихте говорит о развитии «Чистого Духа», но суть и динамика процесса остается прежней.

Движение Российской империи к югу, освоение Северного Кавказа – это закономерное развитие европейского Просвещения; оно естественно вписывается в общий фронт русской экспансии XVIII-XIX веков и носит не только колониальный, но и ярко выраженный просветительский характер. В XVIII столетии это движение было еще не вполне методичным, целенаправленным и регулярным, но важно, что оно было мотивировано идеологически и оснащено научно (отметим, в частности, открытие в 1725 году в Петербурге Российской академии наук), что, в конце концов, и позволяет, на наш взгляд, трактовать эту экспансию, при всей ее внешне милитаристской форме, как положительное, объективно необходимое и прогрессивное для осваиваемых географических пространств и населяющих их народов явление. До сих пор разрозненные и несистемные наблюдения по отдельным направлениям науки начинают оформляться в научные теории и концепции. В XVIII веке начинается изучение географии, природных условий и систематическое картографирование страны. Открываются и осваиваются залежи руды на Урале, ведется разведка Донецкого каменноугольного бассейна и бакинской нефти, обследуются внутренние районы Сибири, Казахстан, Средняя Азия, побережья Ледовитого океана, Аральского и Каспийского морей.

По своим основным характеристикам Российская империя и русский

народ были оптимальным проводником Просвещения (*освещения, света*) на огромных евразийских просторах и, в частности, на Северном Кавказе. Мы говорим как об административно-государственных параметрах России, так и о свойствах русского менталитета: его традиционной лояльности к другим народам, вероисповеданиям и культуре и, наконец, едва ли не самом главном психологическом качестве самой русской культуры – природной русской *деликатности*, – вот, как нам кажется, первые основания «русского мессианства» по Ф.М. Достоевскому.

Зарождение РЯОЛ означает победу западной (русско-европейской) цивилизации и культуры в Осетии и, по меньшей мере, преимущественную сознательность выбора периферийной Осетии из альтернативных культурных концепций.

При ближайшем рассмотрении такие объективно негативные явления, как кризис «этнодемаркационной функции» [19] осетинского языка и снижение его «престижного потенциала» [20] (наблюдающиеся с XV века) оказались необходимым и достаточным условием для зарождения транслингвальной (русскоязычной) осетинской литературы в XIX столетии.

Но, какова бы ни была степень «размягчения» указанной этнодемаркационной линии, важно, что РЯОЛ возникает *на границе русской и осетинской культур*, потому ее определение и содержит *два национальных «имени»*.

По А.Дж. Тойнби, все цивилизации «рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы» и «надламываются и распадаются тогда, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить» [21]. Однако естественно расширить это правило на едва ли не все геополитические образования – в том числе и на так называемые «малые народы» (мы условились на счет всеобщности «механистических» законов в культурологии). Для малого народа адекватный ответ на тот или иной вызов даже более актуален, чем для империи, поскольку в противном случае он не только распадается на компоненты, но бесследно растворяется в семиотическом пространстве. Идеальным же и наиболее адекватным меняющейся жизни ответом может быть именно «лингвистический» ответ: только язык дает власть над текучим и вечно меняющимся миром.

Можно сказать, что пограничность и кризис «этнодемаркационной» (Абаев) функции языка – это *вызов*, брошенный осетинской культуре историей, а культура пограничности (границы) – это *ответ* данной культуры на исторический вызов: раз возникнув, РЯОЛ – как яркое явление культурной пограничности – становится мощным органом *сцепления* двух разных культур.

Очевидно, однако, что данное «сцепление» не исчерпывает процесса в масштабах больших гуманитарных эпох.

Проблемы литературного *генезиса* вынуждают нас максимально расширить временной контекст в сторону прошлого, вплоть до процессов глоттогенеза; вопросы литературной *эволюции* обязывают сделать то же в сторону будущего. Если литература как часть мира возникает из синкретической точки, то не требует ли такой же точки и перспектива? Любая теория конечности мировой истории гуманна в том смысле, что она защищает смысл бытия. Этот смысл возможен при том же условии, при котором возможно предложение как текст: если в конце поставлена точка. Бесконечная симфония, поэма или эпопея – нонсенс в буквальном смысле слова. Примером подобного «искусства» высту-

пают современные сериалы: бесконечность как отсутствие предела и границы есть отсутствие формы; отсутствие формы влечет за собой разрушение идеи.

Но, в конце концов, существуют и такие широкие контексты, в которых теряется само понятие бытия и человека (не говоря о литературе). Фихте восклицает: «Земля и небо, время и пространство и все границы чувственности исчезают для меня при этой мысли; как же не исчезнет для меня и индивид? К нему я не приведу вас обратно!..» [22].

Никакое гуманитарное исследование не может игнорировать современные глобальные гуманитарные процессы; содержание последних всегда сказывается хотя бы опосредованно-методологически. Нельзя трактовать никакие процессы (прошлые и современные), не имея гипотезы их будущего – конечного или бесконечного.

В нашем случае необходимость оговорить максимально широкий методологический контекст обусловлена, помимо остального, очевидной связанностью нашей темы с неоднозначной российско-кавказской культурно-политической проблематикой последних двух столетий. В известной мере нам – в силу *русскоязычия* нашего исследования – тоже предстоит *воевать* (осваивать) Осетию и Кавказ с *севера* и *запада*, со стороны России. Но и этого мало: нужно увидеть движение народов навстречу не только друг другу, но и своей общей судьбе.

В. Соловьев говорил о мировой истории как о совокупности неисповедимых путей, которыми в единое целое «собирается вся земля, целое человечество» [23]. Один из этих путей – война, которая до сих пор была важнейшим средством для «осуществления мира» [24]. Соловьев очень реалистичен в вопросах «опытных», и если земля у него «собирается» вокруг «единого христианского центра» и в мировое теократическое государство, то это всего лишь вопрос *пафоса* собирания земли; для нас же важна здесь механика, логика и динамика процесса, отвлекаясь от мистицизма и эсхатологии. С логической точки зрения «таинственная» *двойкая* природа границы, указанная Лихачевым, «работает» и вне сферы сугубо культурных и положительно духовных процессов. Война актуализирует, подчеркивает границу (в «зловещем» качестве линии фронта), но, как пишет Лотман, «даже для того, чтобы вести войну, необходимо иметь общий язык» [25].

Очевидно, что всемирное единение человечества неизбежно и является целью истории *по форме*. Эта *формальная программа* мировой истории, ее процедурная сторона, которая будет выполнена в любом случае (исключая, разумеется, *скоропостижную* и *безвременную* глобальную катастрофу), и участие доброй воли не является здесь столь уж необходимым (как не обязательна добрая воля для создания трансконтинентальных коммерческих компаний): «*Ducunt fata volentem, nolentem trahunt*» («Послушных рок ведет, строптивых – гонит (тащит)»).

Глобализация в ближайшем рассмотрении – это объективный семиотический, механический процесс, фатальный характер которого подтверждается тем обстоятельством, что его антагонистическая, полярная этому процессу тенденция в конечном счете устремлена к той же точке перспективы: антиглобализм как *международное движение* является просто еще одной формой глобализации. Как таковой процесс глобализации движется *под- и бессознательными* инстинктами. Но если цель на всех уровнях – а не только механически –

достигается необходимо, смысл бытия сомнителен, так как задача человека не ясна. Как говорит Лотман, «исконная предначертанность цели снимает вопрос о свободе» [26]. В конце концов, нам дорога вера в то, что вселенная не только лаборатория, то и произведение искусства. В таком случае, задачи сознания, разума и воли заключаются в том, чтобы сделать этот процесс возможно более управляемым, гармоничным, *доброкачественным*, – и если оно возможно при выполнении данных качественных установок, – то и ускорить процесс.

«Мы все должны полюбить друг друга или умереть» (Оден): такая «эсхатология» тоже является нашим методологическим приоритетом. Проверенные тысячелетиями идеалы суть основные методы и орудия познания. Мы рассматриваем историческое прошлое – конечно, в том числе и прошлое литературное – не только, да и не столько с позиций дня сегодняшнего (такое рассмотрение тоже механистично и произвольно), но именно в отношении к идеалу, на фоне идеала, в оптической перспективе идеала. Целесообразно вспомнить весьма примечательные поправки М. Горького в теорию *художественного историзма*, – именно так мы понимаем его призыв «развить в себе умение смотреть на него (прошлое. – И.Х.) (...) с высоты великих целей будущего» [27]. Только контекст этой «субкультурной» перспективы придает смысл отдельным эпохам (событиям), и частным явлениям частной жизни.

Так, частная жизнь *хочет* быть явлением социума, жизни общественной; любое явление культурной истории того или иного общества *хочет* иметь всечеловеческое значение – и внутренне тяготеет к значимости всеобщей, к значимости для общего блага. *Индивидуальное* сознание гарантирует сознание *общественное* и *национальное* (подобно тому, как «рубль копейку бережет»); национальное сознание выступает гарантом выработки, формирования и утверждения *общечеловеческих* ценностей и приоритетов, цельного и гармонического глобального сознания – земной семиосферы или ноосферы.

Любой субъект каких-либо семиологических отношений пребывает в непрерывном, хоть и в разной степени интенсивном, поиске собственной формы – и добавим к этому – формы, максимально адекватной его собственным «представлениям» об идеале. Только представления различны (что выступает иногда причиной конфликта), но идеал – один. Мировая история – естественная, *естественно* обязанная цепь отчаянных и героических попыток, несмотря на самую высокую цену, – преодолеть, преступить, снять, упразднить границу, обрести более совершенную форму.

Что граница подлежит упразднению, так же очевидно, что упразднению подлежит само государство: «Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека (...), но оно есть средство (...) для основания совершенного общества. Государство, как и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремится к своему собственному уничтожению: цель всякого правительства – сделать правительство излишним...» [28]. Заметим, что аналогичным образом у Соловьева милитаризм – т.е. сама война – «съест» войну [29]. Здесь подчеркивается принцип энтропии, соответствии с которым всякая система работает на «самоликвидацию». В этом смысле конечна и литература, или, во всяком случае, *литературный период* духовной истории человечества.

Итак, если, как мы сказали выше, граница тождественна форме, то цель истории – *преодоление формы как ограниченности*. И если история человека –

это бытие, разлученное с самим собой (разделенное в самом себе бесчисленными границами), то миссия человека – воссоединение всего.

Не случайно в художественном сознании человека на протяжении столетий глобальная семиосфера или ноосфера будущего ассоциировалась с так называемым «золотым веком», в условиях которого достигается *полнота* человеческого бытия во всех отношениях и на всех уровнях. Полнота по определению антонимична границе, которая всегда кладет чему-либо предел, что-либо *ограничивает*. Наш Идеал, Полярная звезда *осознанных* и *подсознательных* человеческих чаяний и устремлений – *мир без границ*, семиосфера без пресловутых «разломов», «фронтов» и «лимитрофов». И надо специально отметить: вместе с упразднением в мире *границы* как таковой сама собой отпадет нужда в указанном физико-механистическом инструментарии (без которого не может пока обходиться ни одна даже самая гуманитарная наука), поскольку мир перестанет быть внутренне механистичным.

Конечное воплощение универсального метакультурного языка и конечное достижение Идеала земного *общезития*: это и есть та точка перспективы, к которой стремятся и в которой так или иначе сходятся *все векторы всех сил и тенденций мироздания*.

В этой объективности заключается имманентный гуманистический характер нашего мира.

Действительно, даже самые взаимоисключающие теории в конечном счете опять же согласуются: все дороги познания ведут в «философский» Рим. Поэтому не вполне ясен образ Н.Я. Данилевского, писавшего, что «прогресс человечества состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще человеческой деятельности, исходить в разных направлениях» [30]. Зато совершенно понятен Жан-Поль Рихтер, утверждающий, что «вся философия с древнейших времен не искала ничего иного, но искала начало» [31]. Думается, не менее справедливым будет утверждение, что она также искала и ищет конец. Начало и конец: философия тоже занимается границами; и поиск границ мира для нее то же, что поиск *собственных*.

С одной стороны, граница необходима любому субъекту семиотических отношений для окончательного оформления; с другой, развиваясь и раздвигая свои границы, она также борется с формой как ограниченностью.

Этически вопрос давно решен: «Правда выше народа» [32]. Или: «Истина может быть только вселенскою» [33].

Известны и лингвистические интерпретации: «Языки человеческие ущербны, ибо многочисленны, отсутствием верховного глагола...» [34]. Или: «В некоем отдаленном будущем будет существовать новый язык, сперва как торговый, а затем как язык духовного общения для всех – так же достоверно, как и то, что некогда будет существовать воздухоплавание. И для чего же, как не для этого, языкознание целое столетие изучало законы языка и определяло необходимое, ценное, удачное в каждом отдельном языке?» [35].

В самом деле, ни отдельный индивид, ни отдельная нация не могут физически обладать истиной в полной мере; соответственно, ни один национальный язык, как бы ни был широк ареал его функционирования и как бы он ни был «велик, могуч, свободен и правдив», – также физически не в состоянии выразить эту истину, именно потому, что объяснение истины равнозначно *обладанию* истиной. «Исходно предполагается, – пишет Лотман, – существ-

вованье двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (то есть объективного, с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка», – отмечает Лотман, выводя отсюда два «частных вопроса: 1) необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности; 2) неизбежность того, что пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью. Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). (...) Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы. Их взаимная неперевоидимость (или ограниченная перевоидимость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков. Ситуация множественности языков исходна, первична (исходна, пожалуй, в пределах опытно обозримой истории; во всяком случае, миф о разделении языков при вавилонском столпотворении тоже имеет отношение к вопросам глоттогенеза. – И.Х.), но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [36].

Национальные языки и содержащиеся в них гносеологические средства и алгоритмы представляют собой *частные* интерпретации высшего и общего смысла. В этом отношении попытки создания искусственного языка, такого, к примеру, как эсперанто, есть нечто большее, чем просто интеллектуальные экзерсисы: подсознательно, вероятно, человек хочет научиться говорить на *наднациональном* языке, освободиться от национально-субъективных стереотипов, необходимо содержащихся в любом органическом языке, и тем самым приблизиться к уяснению общечеловеческих смыслов и ценностей (другое дело, насколько эти попытки успешны). Аналогичное этическое значение имеет в культуре многих народов лингво-мифологический феномен «ангельского» языка, наделяемый непознаваемой природой, адекватной, соответственно, всему, что непознаваемо или еще не познано человеком.

Как отмечает Х.З. Багиров, «по оценке лингвистов, социолингвистов и других специалистов, динамика развития двуязычия и многоязычия в мире и нашей стране будет сохранять устойчивую тенденцию к росту» [37]. Динамика «роста» многоязычия как раз и отражает культурно-лингвистическую глобализацию на современном этапе истории.

В контексте стремления к гуманистическому Идеалу парадоксальная сущность границы и ее функции как явления семиотического пространства приобретает утешительный и оптимистический характер: граница уже не только *соединяет* нечто, но она и *растворима*. Такое растворение мы наблюдаем на разных уровнях текста *русскоязычной осетинской* литературы, в которой не всегда легко установить, что определяется в ней русским языком и русским литературным образцом, и что – осетинским ментальным «субстратом». 200-летие присоединения России и Осетии торжественно отмечалось под «слоганом» «РОССЕТИЯ»: данная анаграмма ярко символизирует феномен пограничности и упразднения границы.

В реальных условиях земной истории *пограничная культура* является собой яркий пример приверженности наднациональным ценностям (именно когда народ, «не теряя своего национального характера», освобождается «от своего национального эгоизма») [38]: будучи в значительной мере формируема фактором соприкосновения с другой культурой, культура границы компенсирует и «амортизирует» жесткую ограниченность «периодической формы».

В 1774 году Осетия пришла в Россию, чтобы стать отчасти Россией, Россия приняла в себя Осетию, чтобы уже отчасти сделаться Осетией: на уровне отдельного субъекта семиотических отношений мы всегда наблюдаем внешнее стремление к экспансии; но целое семиотических отношений всегда стремится к ликвидации внутренних границ.

В самом деле: на земле не было и нет ни одного геополитического образования, которое не возникло бы из конфликта *по поводу границы*, но с точки зрения целого и всеобщего нет ни духовной, ни политической, ни вооруженной борьбы за расширение границ и пределов (здесь просто кончаются обозримые сознанию мотивировки); есть только борьба за *упразднение* границы как таковой.

Есть только одна *законная* граница: граница между добром и злом, между истиной и ложью; как видим, она относится к этическим категориям, а не к государственно-политической или культурной истории. Строго говоря, только в этической истории война ведется ради *победы*, тогда как в политической войны ведутся всего лишь ради *мира*. Политический же мир может быть только более или менее хорошим, в соответствии с тем, насколько успешна была война: «Хороший мир есть тот, который заключают лишь тогда, когда цель войны достигнута» [39]. В качестве примера «хорошего» мира герой В. Соловьева вспоминает Кучук-Кайнарджийский мирный договор, и нам следует иметь это в виду: политическая граница между Россией и Осетией потеряла актуальность в результате успешной войны и с наступлением хорошего мира: это тоже было гарантией дальнейшего доброкачественного культурного обмена.

Итак, дело, конечно, не только в кризисе «идеологической» функции границы. В момент возникновения РЯОЛ (как и любого другого аналога) мы, строго говоря, имеем дело с *конфликтом* между реальным положением вещей – кризис границы и падение языкового *потенциала* – и *потенциальной* народной воли к жизни, творчеству и общению с другими народами. *Такая* литература становится единственно возможным выходом из кризиса и компенсацией за издержки языковой и идеологической «аннексии».

«Филологическая» история человечества показывает, что транслингвизм – это всегда движение в направлении к более престижному языку (культуре) или, по меньшей мере, к равновеликому, и никогда – в противоположном» [40]. Это верно, но парадокс в том, что представитель «большой» культуры не в состоянии понять «малую» так же полно, как представитель «малой» культуры усваивает «большую». Победенный лучше знает победителя, нежели победитель – побежденного; *центростремительные* силы культурной метрополии воздействуют на индивида гораздо активней *центробежных*.

Победенному не остается иного, как усвоить язык победителя, но тем самым он перестает быть побежденным.

Вот что, в сущности, подчеркивается в *положительной* формулировке проблемы осетинского русскоязычия: «не нечто навязываемое нам извне, а

наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [41].

Русскоязычную осетинскую литературу следует рассматривать в контексте «стремления к единой и конечной истине», к универсальному метакультурному языку, как новый язык нового качества национального осетинского бытия, возникший из динамического напряжения на умозрительной границе русского и осетинского миров, и своим «телом» уже ликвидирующий эту границу.

Список литературы:

1. Юнг К.Г. Метаморфозы и символы либидо. – М., 1988. – С. 172.
2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2004. – С. 44.
3. Лотман Ю.М. Семiosфера. – СПб., 2001. – С. 347.
4. Балеевских К.В. К. В. Балеевских. Писатель-билингв: свой среди чужих? http://www.uspu.yar.ru/vestnik/novye_issledovaniy/12_2/
5. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 642.
6. Ницше Ф. Сочинения: В 2 Т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 95.
7. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 257.
8. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1999. – С. 103.
9. Абаев В.И. Избранные труды: В 4 Т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 299.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 41.
11. Цымбурский В. Народы между цивилизациями. // Pro et Contra: 1997. – Т. 2. – № 3. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55629.htm>
12. Журавлев О.В. О понятии пограничной этнической идеологии // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 73-80.
13. Кондаков В. К теории пограничных процессов в культуре // Динамика культуры: теоретико-методологические аспекты. – М., 1989. – С. 24-42.
14. Багно В.Е. Пограничные культуры – пограничное сознание // Россия – Восток – Запад. – М., 1998. – С. 41-49.
15. Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб., 1997. – С. 371-384.
16. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1987. – С. 343-347.
17. Марданова З.А. Личность в пограничной культурной ситуации // Вестник Института цивилизации. – Владикавказ, 1998. – Вып. 1. – С. 162-166.
18. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Немецкая классическая философия: В 2х Т. – М.; Харьков, 2000. – С. 71.
19. Абаев В.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 18.
20. Там же. – С. 292.
21. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.; СПб., 1996. – С. 49.
22. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Указ. соч. – С. 72.
23. Соловьев В.С. Избранные сочинения: В 2х Т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 552.
24. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 1. – С. 467.
25. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 267.
26. Там же. – С. 348.
27. Горький М. О литературе. (Литературно-критические статьи.) – М., 1955. – С. 616.
28. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Указ. соч. – С. 29.
29. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 552.
30. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 87.
31. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. – М., 1981. – С. 296.
32. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 Т. – Л., 1976. – Т. 26. – С. 198-199.
33. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 301.
34. Малларме С. Кризис стиха // Коллекция переводов. – М., 1989. – С. 42.

35. Ницше Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 383.
36. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 12-13.
37. Багировов Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). – Майкоп, 2004. http://www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov/index.htm
38. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 304.
39. Там же. – С. 710.
40. Балеевских К.В. К.В. Балеевских. Писатель-билингв: свой среди чужих? http://www.ySpru.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/12_2/
41. Абаев В.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 294.

I. Khugaev

CULTUROLOGICAL MEANING OF TRANSLINGUAL LITERATURE THAT HAS RECENTLY ACQUIRED A WRITTEN FORM (ON EXAMPLE RUSSIAN-LANGUAGE OSSETIAN LITERATURE): ACTUALIZATION AND ABOLITION OF BORDERS

Abstract: The author analyzes culturological (semiotic) and philosophic-ethical aspects of the phenomenon of the Russian-Language Ossetian literature as a translangual literature that has recently acquired a written form; issues of its genesis from the point of view of categories of cultural boundaries, conjunction of cultures (cross-cultural issues), as well as cultural expansion and its nature in the context of positive globalization.

Key words: Interaction of cultures, semiotics relations, metacultural language.